

школы. Изд. 3-е, перераб и доп. — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2000.

4. Забулонова О. Ю. Уроки по сказкам Андерсена. // Уроки мысли и чувства. Пособие для учителей литературы общеобразовательных учреждений. Часть 4 — Воронеж, 1998. — С. 115 — 120.

5. Симакова Л. А. Литература, пробный учебник-хрестоматия для 5 класса школ с русским языком обучения. — К.: Освіта, 1996.

6. Айзерман Л. С. Уроки литературы сегодня. — М.: Просвещение, 1974. — С. 83.

Поступило в редакцию 21.04.2002

Джиоева М. Г.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Одной из особенностей отражения концепта времени в творчестве А. С. Пушкина вообще и в лирике, в частности, является то, что время мыслится автором исключительно как *lived time*, время жизни, время, неотделимое от наполняющих его событий. Как справедливо утверждает Н. Д. Арутюнова, “сближение моделей времени и моделей жизни естественно. Жизнь протекает во времени и подчинена его законам. Как и время, жизнь человека необратима и одномерна (линейна): каждый наступающий момент времени снимает альтернативы” [1, с. 689]. Время жизни человека в пушкинской лирике всегда четко обозначено как время, связанное с определенным возрастом: юностью (“Стансы Толстому”, “Погасло дневное светило...”, “Мой друг, забыты мной следы минувших дней...”), детством (“Наперница волшебной старины...”). Именно поэтому автор придает особое значение соответствию времени жизни (возраста человека) и наполняющих его жизнь событий; они (события) являются как бы индикатором “правильности” времени, проживаемого человеком:

Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
(“К Каверину”);

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.
(“Стансы Толстому”).

В первом отрывке автор “меняет местами” эпитеты к показателям возраста *юноша* и *старик*, создавая нелепые, с его точки зрения, образы людей, “неправильно”, “не по назначению” использующих отпущенное им время. Во втором фрагменте бросается в глаза оценочное *ранний* (преждевременность) в позиции определения к слову *философ*. Само-собой-разумеемость противоречивости данного словосочетания для Пушкина заключается опять же в несоответствии периода жизни его наполнению, в данном случае в несовместимости молодости и склонности к философствованию. Пренебрежение правилом “всему свое время”, по Пушкину, обобщается лишь бесплодными сожалениями:

Поверь, мой друг, она придет,
 Пора унылых сожалений,
 Холодной истины забот
 И бесполезных размышлений.
 (“Стансы Толстому”).

Можно заметить, что разные периоды жизни человека для А. С. Пушкина обладают неодинаковой ценностью. И в стихотворениях романтического периода, и в зрелой лирике А. С. Пушкин воспевает юность, молодость, “весну златую” как время, когда человек с наибольшей полнотой реализует себя:

Ах, *младость* не приходит вновь!
 Зови же *сладкое* безделье,
 И *легкокрылую* любовь,
 И *легкокрылое* похмелье!
 (“Стансы Толстому”)

Но молодость и мгновенна, она подобна цветку:

Где *рано* в бурях *отцвела*
 Моя потерянная младость;
 (“Погасло дневное светило...”);

Беспечно верь ему, *летучий миг* лови:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви...
 (“Мой друг, забыты мной следы минувших лет...”)

Слово *миг* в русском языке является показателем времени с наиболее ярко выраженной семантикой кратковременности (физиологами доказано, что именно движение века, когда человек закрывает глаза, является самым быстрым движением, которое способен производить человек), а прилагательное *летучий* придает ему дополнительную экспрессивность.

В лирике А. С. Пушкина прослеживается некий параллелизм: жизнь, молодость, быстротечность — день; бездействие, медлительность, смерть — ночь. Первый ряд реализуется в рамках образов молодости, счастливой любви; лексемы второго ряда частотны в стихотворениях об усталости, утомленности жизнью, сердечных страданиях. И в первом и во втором случаях состояние лирического героя характеризуется через его восприятие времени как летящего или тянущегося:

В то время для меня *влачатся* в тишине
 Часы *томительного* бденья...
 (“Воспоминание”);

Играйте, пойте, о друзья!
 Утрайте вечер *скоротечный*,
 И вашей *радости беспечной*
 Сквозь слезы улыбнуся я.
 (“Друзьям”)

И если медлительное течение времени однозначно оценивается автором отрицательно, то его быстротечность амбивалентна. Это и быстротечность счастли-

вых времен и одновременно сожаление о том, что они безвозвратно уходят:

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви вспоминал...
("Друзьям");

Младенчество прошло, как легкий сон...
("Наперсница волшебной старины...")

Помимо скоротечности жизни, обращает на себя внимание еще одна характеристика — ее "составленность" из мгновений. Во многих стихотворениях жизнь представлена как сумма частиц бытия:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит -
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
("Пора, мой друг, пора...")

Это как бы жизнь-песочные часы. При этом время представлено как скупое, не желающее отдавать свои минуты:

Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
("Гроб Анакреона")

И, возможно, именно поэтому каждая из прожитых человеком минут приобретает особый смысл и особую ценность.

Размышления о быстротечности, "фрагментарности" жизни приводят автора к мысли о ее неотвратимой конечности. Эсхатологические мотивы особенно сильны в стихотворениях зрелого периода творчества поэта. Наиболее сильно они проявляются в стихотворении 1829 г. "Брожу ли я вдоль улиц шумных...":

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.

В конечном итоге остро переживаемое поэтом и его лирическим героем осознание быстротечности, хрупкости и конечности жизни приводит его к мысли о ее случайности, ненужности:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
("Дар напрасный, дар случайный...")

Понимание времени жизни как времени конечного в лирике А. С. Пушкина выражается не только в виде "временной координаты", но и воплощается в самостоятельных временных образах, таких, как день, весна, стезя, дорога, путь, чаша жизни, телега жизни ("Городок", "Батюшкову", "Князю А. М. Горчакову", "Кривцову", "Воспоминание").

Программным с этой точки зрения является стихотворение “Телега жизни”. В этом стихотворении время персонифицируется в образе ямщика:

Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

Если соотнести этот образ с моделями времени Н. Д. Арутюновой, то, скорее всего, он реализует модель потока времени [см. в: 1]. Но в данном случае время не просто движется само, оно еще и везет. Его ход независим от воли человека. Поэтому главным в этом стихотворении является образ потока времени (ямщика), а не образ путника. “В модели Пути отсутствует понятие целеполагания. Человек всецело подчинен судьбе и непосредственным требованиям времени” [1, с. 691]. И в этом проявляется отнюдь не фатализм, а, скорее, реалистичность в восприятии времени поэтом. Показатели времени суток *утро, полдень, вечер* соотнесены (психологический параллелизм) с возрастными человека и со свойственным этим возрастам отношением ко времени и его переживанием:

С утра садимся мы в телегу,
Мы рады голову сломать...;
Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшной
И косогоры и овраги...;
Катит попрежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега...

При рассмотрении временной и смежной лексики в этом стихотворении обращает на себя внимание любопытный факт: вербально выражено только понятие конца человеческой жизни (*ночлег*); указание на начало времени жизни человека отсутствует, что усиливает безрадостную тональность всего стихотворения.

В более раннем стихотворении “Городок” (1815 г.) время жизни, представленное в образе пути, не несет отпечатка эсхатологического восприятия. Время воспринимается героем как ровный путь:

Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь...

Однако в стихотворении того же года “Батюшкову” звучит иное:

И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

Образ усталого путника, проживающего отмеренное ему время, сродни образу пассажира “телеги жизни”, безропотно едущего к своему ночлегу. Его “стезя печальна и темна” (“Князю А. М. Горчакову”), и “чаша жизни” представляется “остылой” (“Кривцову”).

Одним из ключевых в лирике А. С. Пушкина концептов, связанных с понятийным полем времени, является память. Образная память, по замечанию М. А. Дмитриевской, “связана с идеей времени и прошлой жизнью человека...” [2, с. 78].

В лирике А. С. Пушкина память представлена в двух аспектах: во-первых, это память, возвращающая человека в определенный хронотоп (“Воспоминания в Царском селе”, “... Вновь я посетил...”, “Храни меня, мой талисман...”). В этом случае “при воспоминании прошлое как бы переносится в настоящее и созерцается одновременно двумя “я”: нынешним “я” человека и его прошлым “я” непосредственного участника или наблюдателя былых событий” [2, с. 81]. Во-вторых, память — это условие жизни вообще и условие продолжения жизни после смерти, в частности (“Что в имени тебе моем?..”, “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”). В первом случае время вновь переживаемого события неотрывно от пространства, где последнее имело место:

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет...
 (“Воспоминания в Царском селе”);
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах...

(“... Вновь я посетил...”).

В строке *И кажется, вечер еще бродил...*, как и в словосочетании *как сейчас вижу / полно* лишний раз подчеркивается, что “вспоминаемое имеет место не сейчас” [2, с. 81]. Таким образом, возможные модели воспоминания: “не здесь и не сейчас” и “здесь, но не сейчас”. Причем во втором случае локатив *здесь* выполняет функцию “катализатора” памяти. Поэтому строка *Вновь я посетил...* инициирует воспоминания.

Во втором случае память сохраняет то, что, по мнению помнящего, достойно вечной жизни. Таким образом, память, умирающая со смертью одного человека, может продолжать жить в масштабах человечества и тогда она неуничтожима и дарует жизнь после смерти тому, о ком помнят:

Но в дни печали в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...
 (“Что в имени тебе моем?..”)

Таким образом, жизнь для А. С. Пушкина и его лирического героя имеет смысл только в ее всеобъемлющей полноте, и поэтому память противопоставляется забвению и наделяется особой ценностью как условие жизни после смерти и как условие жизни вообще.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
2. Дмитровская М. А. Философия памяти. // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 78-85.

Поступило в редакцию 20.04.2002